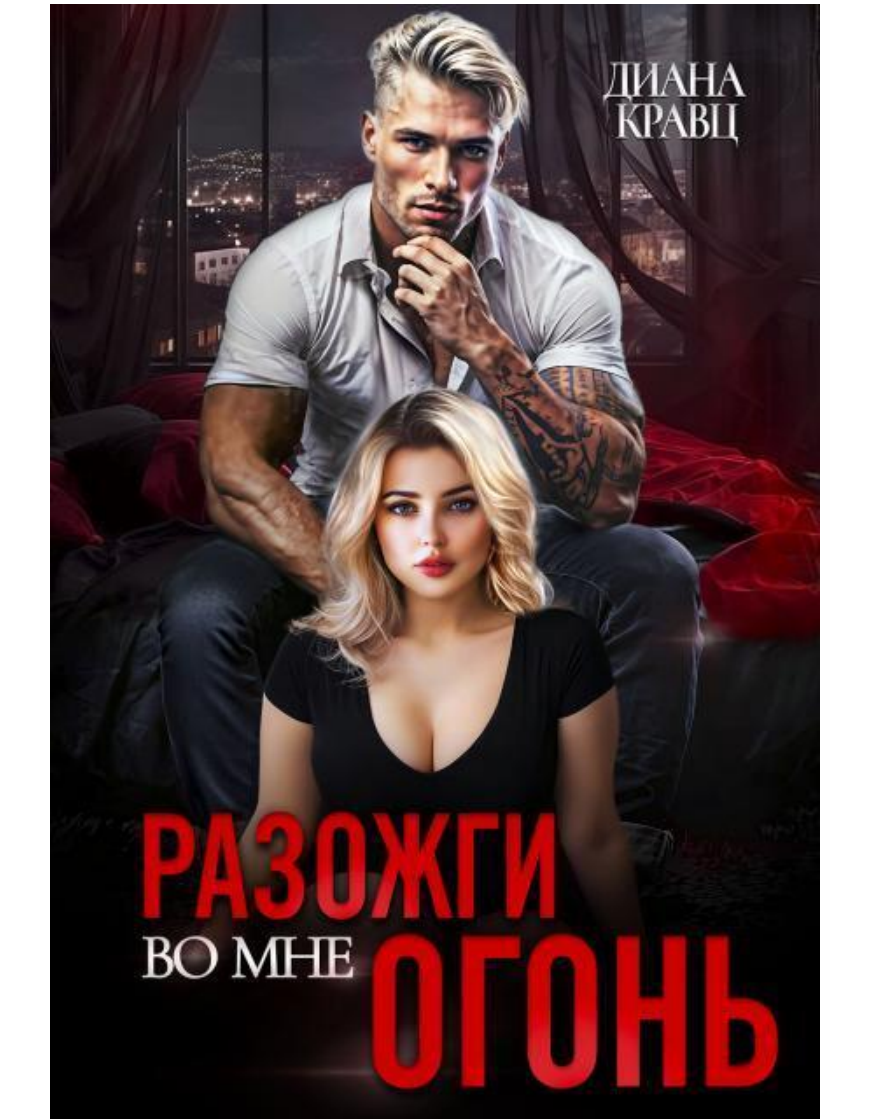

The book cover features a man and a woman in a romantic setting. The man, with blonde hair and tattoos, is sitting behind the woman, his hand near his chin. The woman has blonde hair and is wearing a black top. They are in front of a window with red curtains, looking out at a city at night. The title 'РАЗОЖГИ ВО МНЕ ОГОНЬ' is written in large red and white letters at the bottom, and the author's name 'ДИАНА КРАВЦ' is in the top right corner.

ДИАНА
КРАВЦ

РАЗОЖГИ
ВО МНЕ
ОГОНЬ

Диана Кравц

Разожги во мне огонь

<https://litres.ru/74213738>

Аннотация

Изменили? Хм... Больно? Еще как. Но истерики и сопли – не по моей части. Лучше уйти в отрыв, выжечь все к чертовой матери и надеяться, что в жизни появится нормальный мужик. Вот только вместо принца на белом коне судьба подкидывает его. Наглого. Бесцеремонного. С дурацким чувством юмора и... и такой мужской энергией, от которой женщины выпрыгивают из трусов. Один только взгляд – чистое безумие. А все остальное... лучше не рассказывать без цензуры. Стоит ли отказывать себе в удовольствии? А с чего бы? Да и поздно уже отступать. *** Вас ждет много страсти, против которой нет защиты. Юмор, который иногда будет казаться совершенно тупым. Наглый герой, готовый идти по головам ради своей цели. И героиня, которая не даст ему расслабиться ни на секунду. Готова нырнуть в этот хаос? Тогда держись крепче. Будет жарко.

Содержание

Глава 1	5
Визуал	8
Глава 1.1.	9
Глава 1.2	12
Визуал	17
Глава 1.3	18
Визуал	22
Глава 2	23
Глава 2.1	27
Глава 2.2	31
Глава 2.3	34
Визуал	37
Глава 3	38
Глава 3.1	41
Глава 3.2	44
Глава 3.3	48
Глава 4	52
Глава 4.1	55
Глава 4.2	58
Глава 5	61
Глава 5.1	64
Глава 5.2	68
Глава 5.3	72

Глава 6	76
Глава 6.1	80
Глава 6.2	85
Глава 6.3	89
Глава 7	92
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Глава 1

– Александрушка Евгеньевна, вы самая прекрасная, великолепная, неповторимая женщина в мире! Я буду вам поклоняться, пока вы не отправитесь на тот свет!

Господи, дайте мне кто-нибудь дробовик. Пристрелю его к чертовой матери!

Снимаю очки, потираю переносицу. Голова гудит, а тут еще он со своими дурацкими выходками.

– Клименко, ты меня уже достал, – говорю устало, но твердо.

Он моргает, будто не верит, что всерьез. А я – всерьез. Более чем. Пусть всегда сдержана и культурна на людях, но всему есть предел. Я бы сказала, что он меня конкретно заебал, но как-никак в учебном заведении нахожусь.

– В прошлом семестре я дала тебе поблажку. Ты обещал исправиться. Из восьми работ ты сдал одну. Одну, Дима. И то – списанную. С ошибками.

Он смотрит на меня большими наивными глазами, будто щенок, которого только что пнули. Вот же клоун.

– Ну, превосходная моя Александрушка Евгеньевна, – тянет парень, складывая ладони в мольбе. – Ну поставьте зачет с закрытыми глазами. Хотите, я стану на колени? Стих прочту! С балкона брошусь, если надо!

Какой балкон? Первый этаж.

Я закатываю глаза и в который раз за день мысленно считаю до пяти. Может, до десяти. Иногда кажется, что я – не преподаватель, а режиссер в плохо организованной труппе.

– Дим, – вздыхаю, – если бы ты хоть иногда появлялся на парах... Но ты их бессовестно прогуливаешь. Может, тебе вообще не здесь место? Скажи честно – зачем ты вообще пришел на медицинский?

– Так получилось, – пожимает плечами. – Родители настаивали. Да и сам вроде хотел. В начале.

Качаю головой и снова надеваю очки.

– Ну а теперь? – спрашиваю мягче, чем хотела. – Хочешь по жизни так – «вроде хотел»? Думай о будущем. Женщины выбирают умных мужчин, а не клоунов.

– Вы не правы!

– Права-права, Клименко. Для интрижки – пожалуйста. Но для семьи всегда ищут надежных.

– А Аньке нравится мое чувство юмора! – горделиво вскидывает подбородок. – И я ей нравлюсь.

Хм... Действительно. Анна смотрит на него так, будто он – ее личный герой. Но это сейчас. А что будет через год? Через пять? Они еще дети, даже если им по паспорту девятнадцать. Много в жизни они еще не понимают.

И, видимо, я тоже.

– Так, – хлопаю в ладоши, резко обрывая поток мыслей. – Ведомость пока не закрываю. Завтра к восьми утра – будь здесь. Выучи хотя бы один билет. Один, Дима. И еще, – смотрю

рю на него строго, – это последняя поблажка.

– Дорогая моя Александрюшка Евгеньевна! – хватает мою руку и целует ее с театральным придыханием. – Вашему мужу несказанно повезло с вами!

Внутри что-то щелкает – то ли горечь, то ли смех.

Если бы мужу...

Пять лет в этом городе. Шесть – как мы с Вадимом вместе. И все еще – никакого предложения. Ни кольца, ни планов, ни четких слов. Только «не время», «кризис», «работа», «давай еще немного подождем». Я уже и таблетки втайне перестала пить. И даже к гадалке ходила. Та только загадочно улыбнулась, сказав, что у каждого замка свой ключ. Даже уже и не вспомню дословно ее слова.

– Клименко! – рявкаю и вырываю руку. – Вали уже!

– До завтра, наша богиня химии! – шутливо посылает воздушный поцелуй и скрывается за дверью.

Ох, бог ты мой! Когда же уже каникулы и отпуск?

Визуал

Макарова Александра Евгеньевна, 29 лет

Умная и обаятельная девушка с прекрасным чувством юмора (истинное я прячет внутри). Преподает химию в вузе и искренне любит свое дело.

В свободное время Александра читает, экспериментирует на кухне и распивает вино со своей подругой. Ценит людей, с которыми можно и молчать с удовольствием, и говорить обо всем подряд.

Глава 1.1.

Ненавижу летние сессии. Это – ад, только без серы и рогатых. Во-первых, невыносимая жара, от которой я плавлюсь, словно кусок сала на раскаленной сковородке. Во-вторых, студенты уже мыслями на каникулах и напрочь забывают о подготовке к экзаменам.

В этом году особенно раздражают первокурсники. Будто их не из школы выпустили, а сбросили с луны без подготовки и с инструкцией по самоуничтожению. С каждым годом работать с детьми все сложнее. Система образования трещит по швам. Преподаватели – крайние во всем. Зарплаты? Стыдно называть. Условия? Никаких. Хоть вешайся.

И все же я люблю свою работу. Просто – люблю. Наверное, потому что в этих усталых стенах чувствую себя живой. И нужной...

Закрываю аудиторию и направляюсь в методический кабинет. На первом этаже шум и гам. На втором – почти мертвая тишина. Как в музее или на кладбище. Во многих аудиториях проходят экзамены и зачеты.

Захожу в кабинет и выдыхаю с каким-то облегчением. Пока добралась, вся взмокла. Долбанная жара!

– Шурочка, милая, как зачет? Все сдали? – Антонина Петровна, седовласая мудрость кафедры, смотрит на меня сквозь толстые линзы очков.

– Клименко, как всегда, – говорю, опускаясь в кресло. – Выступил на бис.

– Ох, – вздыхает она. – Не его это стезя. Ему бы в театральный – там его стихия.

С этим трудно не согласиться. За свои неполные тридцать лет я так и не поняла, зачем родители ломают детям жизнь, навязывая свои амбиции.

– Я знаю его семью. Там все медики, начиная с прадеда. Иван Николаевич был уважаемым кардиологом. К нему пациенты со всего мира ехали. Его в столицу звали, а он и ухом не повел. Сказал, где родился, там и помру.

– Родители редко понимают своих детей. Чаще калечат их благими намерениями.

Говорю это не из высокомерия. Просто знаю, каково это – не соответствовать чужим ожиданиям, когда для тебя заранее написан сценарий, а ты упрямо отказываешься в нем играть. Я прошла через это сама.

Пять лет. Пять долгих лет я не видела родителей и брата. Очень редкие звонки и сообщения в счет не беру. А ведь когда-то все было иначе. В детстве нас с братом любили одинаково. Мама гладила мне волосы перед сном, отец называл «солнышком» и подбрасывал в воздух, пока я визжала от восторга.

Брат, конечно, у нас образец для подражания. Гордость семьи Макаровых. Умница, целеустремленный, с золотой медалью, успешной карьерой. Его путь – идеальный образец

родительского счастья.

Я же... была другой. Неуправляемой, своенравной, не умеющей держать язык за зубами. И все окончательно изменилось, когда мне исполнилось восемнадцать. Отец вдруг начал сватать меня направо и налево, как будто я выставочный экземпляр на витрине.

«Женщина должна удачно выйти замуж, а не мозги выедать чайной ложечкой», – его любимая фраза, которую он повторял с уверенностью, будто цитировал истину. Мама только вздыхала – тихо, опуская глаза, как будто стыдясь того, что ничего не может изменить. Она ведь сама родилась и выросла в этом мире. Мире богатства и бесконечных масок, где под аристократической внешностью скрываются мелкие, испуганные люди, цепляющиеся за фамилии и счета в швейцарских банках.

Главный кошмар таких людей – что их чадо влюбится не в того. В человека без статуса, без капитала, без связи. Главное – не опозориться. Главное – сохранить богатство и статус. И все же я решилась. Я выбрала любовь. Ради Вадима бросила семью, уехала в другой город. Тогда мне казалось, что все это правильно. Ради него я даже ушла в академ. Доучиваться пришлось уже здесь, без чьей-либо помощи, без рекомендаций.

Ставлю на полку коробку с зачетками. Ведомость аккуратно складываю в папку – сдам ее завтра.

Эх, Клименко... А у меня на завтра были другие планы.

Глава 1.2

Антонина Петровна уходит, а я достаю телефон и на автомате открываю переписку с Вадиком. Последнее сообщение от меня: «Принимаю зачеты до вечера. Закажи что-нибудь на ужин».

Листаю вверх. Три года назад: «Ты мое солнце» с сердечком. Пять лет назад: строчки Бродского, которые он переписывал от руки и фотографировал мне, потому что телефон не передаст, как дрожит линия, когда он думает обо мне.

Где тот Вадик? Листаю переписку, будто пролистываю годы. Вот его голосовые – сорок секунд смеха, потому что «не могу без тебя, даже кофе невкусный». А вот вчерашнее: «Ок» на мое «Я соскучилась».

Неужели правда – чем дольше вместе, тем тише горит этот огонь? Или мы просто перестали его поддерживать?

– Сашка, что с твоим лицом? – вдруг появляется подруга и ставит на стол чашку с чаем, от которого тянет мятой.

Мы с Ирой дружим уже три года – с тех самых пор, как в один год устроились в университет. Помню наше первое рабочее совещание: я сидела в углу, а она вдруг подсела и прошептала: «Ты похожа на человека, который, как и я, вот-вот сбежит. Давай держаться вместе». С тех пор мы неразлучны.

Удивительно, как быстро она стала мне ближе, чем некоторые друзья юности. Может, потому что мы пережили вме-

сте все университетские проблемы, бессонные проверки работ, капризы начальства, студенческие выходки. Ира – та редкая подруга, с которой можно и в кино сходить на романтическую комедию, и в три часа ночи позвонить, когда на душе кошки скребут.

– Такое чувство, будто тебя головой в дерьмо окунули.

Она, как всегда, сияет. Нам с ней под тридцать, но в ней – энергия беспечного студента. После развода она заперла сердце на ключ: «Мужчины? Секс и ничего больше». И ведь, черт возьми, счастлива. Путешествует, рисует свои странные, но притягательные абстракции, пьет вино, когда хочется, и всегда знает, чего она стоит.

– Зато теперь есть чем гордиться – не каждый может похвастаться полным погружением в проблемы, – улыбаюсь подруге и делаю глоток самого вкусного чая.

– По поводу чего снова загоняешься?

Ира устраивается на краешке моего стола, не заботясь, что локтем сдвигает стопку тетрадей. Все с ней как всегда – беспечно и дерзко. Куда делась эта часть меня?

– Настал тот момент, когда понимаешь, что твои отношения трещат по швам, – вздыхаю и резко отворачиваюсь, делая вид, что разглядываю календарь на стене.

– Этот кретин опять про твой вес заикнулся? – стучит по столу кулаком. – А ты скажи, что ему нужно подкачаться, а то сухой, как тарань.

– Да нет, Вадик ничего не говорил про похудение. Он то-

гда только один раз намекнул. А вообще, мне действительно стоит заняться собой, – машинально обхватываю себя за талию. – На прошлой неделе купила платье уже пятьдесят второго размера.

– Да пошел он! – закатывает глаза. – Помнишь Наташку с физфака? Размер XS, а муж все равно сбежал к пухляшке из бухгалтерии. Мужикам, если у них тестостерон бушует, вообще по барабану – худая ты или толстая.

Она резко встает и кружится передо мной, демонстрируя свои округлости в платье чуть ниже колен.

– Вот этот мой жирок, – тычет в бок с самодовольной улыбкой, – мой бронежилет! Отсеивает придурков. Когда я весила на двадцать кило меньше, была сплошным нервным комком – все боялась, что Ванька налево посмотрит. В итоге на протяжении двух лет он ебал свою престарелую начальницу.

Я слабо усмехаюсь. И все же...

– Ты думаешь, Вадик мне изменяет?

Слова вылетают сами. Голос дрожит. Я сама не ожидала, что спрошу это вслух. Как будто до этого все держалось в запертом ящике, а теперь крышка сорвана.

– Знаешь, – Ира задумчиво покусывает губу, – твой Вадик из тех, кто дрожит за свою безупречную репутацию. Он не рискнет, если только не уверен, что все сойдет ему с рук. Но ты не обижайся, Саш, – делает паузу. – Рядом с ним ты будто выключаешь себя.

Я замираю, по спине бегут мурашки.

– Ты же совсем другая! – эмоционально жестикулирует. – У тебя взрывной смех, после которого все вокруг заражаются. Ты можешь поддержать любой разговор – от квантовой физики до сплетен в учительской. А с ним... – она кривится, – превращаешься в какую-то снобку. Будто играешь роль идеальной жены.

– Он же... – начинаю, но подруга не дает мне договорить.

– Он тебя не подавляет специально, – перебивает меня. – Ты будто боишься сделать шаг не туда, чтобы он не разочаровался. А знаешь, что самое страшное? – берет меня за руки. – Ты начинаешь по-настоящему оживать только тогда, когда его нет рядом.

Закусываю губу, бессмысленно уставившись на Иру. В голове крутится десяток ответов, но все они кажутся неправильными – то слишком резкими, то излишне оправдывающимися.

Губы сами собой складываются в плотную ниточку, а пальцы нервно забарабанили по столу. Она права, – проносится где-то на задворках сознания, но я тут же отгоняю эту мысль, как назойливую муху.

Вместо слов из меня вырывается только невнятный вздох, и я беспомощно развожу руками. Ира, видя мою растерянность, вдруг смягчает взгляд и бережно кладет руку мне на плечо. Вот и весь ответ, – казалось, говорит ее молчание. А я... Я просто закрываю глаза, не в силах ни согласиться, ни

возразить.

Визуал

Лаврик Ирина Игоревна, 29 лет

Она может прийти в самый хреновый день, поставить на стол чай с мятой или бутылку алкоголя – в зависимости от степени катастрофы – и сказать ровно то, что нужно услышать. Иногда резко, иногда с матом, но всегда по делу.

Она – не просто подруга Александры. Она – бронезилет. И огнемет. И спасательный круг. Все в одном лице.

Глава 1.3

Остаюсь в кабинете еще на полчаса после ухода Иры. Бумаги давно разложены по папкам, но мне нужно это время – просто посидеть в тишине, пока мысли в голове не улягутся.

Перед выходом мажу специальным кремом между ног, чтобы ляжки не натирались. Эти чертовы юбки – вечная проблема. Надо было надеть брюки, но сегодня так хотелось почувствовать себя женственной. Какая тут женственность, когда к вечеру ноги стираются в кровь.

Быть толстой – тяжело. И не только в физическом смысле. Ты все время как будто извиняешься за свое тело – перед зеркалами, перед людьми, перед самой собой. Пот льется ручьем, одежда то давит, то нелепо топорщится. Красивое – почти всегда не на мой размер. Или, если честно, не на мою смелость. Хотя... Ирка права. Надо учиться принимать себя. Вот что поделать, если я люблю разные и вкусные пирожные? Смириться и продолжить наслаждаться.

По дороге домой захожу в магазин. Беру бутылку красного полусухого и тот самый шоколадный торт с вишневой прослойкой, который Вадик обожает. Устрою маленький сюрприз. Он думает, что приеду к восьми, как договаривались, но я буду раньше. У меня еще полтора часа, чтобы привести себя в порядок, накрасить глаза, надушиться любимыми духами и ждать в полной готовности.

Лифт, как назло, снова не работает. Поднимаюсь на четвертый этаж, задыхаясь – легкие горят, колет в боку. Тут не только худеть нужно, но и курить тоже не помешало бы бросить. Вредная привычка, которая со мной уже семь лет.

Ключ в замке поворачивается с привычным щелчком. Вешаю сумку, наклоняюсь, чтобы снять туфли...

Стоп.

На коврике чужие лаковые лодочки на шпильке. И в этот же момент из нашей спальни доносится приглушенный стон.

Сердце будто перестает биться. Прямо с бутылкой вина и тортом на автомате иду в спальню.

Буф!

Буф!

Буф!

Неужели это бьется так мое сердце?

Открываю дверь и просто замираю на месте. На нашей кровати, на наших простынях – Вадик, а на нем прыгает, с выгнутой спиной, словно в дешевой порнухе, какая-то тощая бабеха с серо-буро-непонятым цветом волос.

Не осознавая того, что делаю, просто швыряю бутылку вина. Она летит мимо ее головы и врезается в стену, оставляя красное пятно.

– А-а-а! – визжит шлюха, кубарем катится с кровати, прикрывая сиськи подушкой, как будто уже не поздно что-то прикрыть.

Вадик вскакивает, как крыса, пойманная на кухне с сыром

во рту.

– Саша? – с шоком смотрит на меня этот кобель.

Шок? У тебя? А у меня – пожар, сука!

– Хуяша! – выкрикиваю и, сняв крышку с торта, кидаю ему прямо в рожу и не промахиваюсь.

Он трясет головой, будто это все – недоразумение, ошибка, глюк. Нет, родной. Это реальность, и она тебя сейчас выплюнет.

Пока Вадик резкими движениями убирает крем с лица, хватаю шлюху-швабру за ее космы и волочу к выходу прямо голую.

– Отпусти меня! – пищит она, цепляясь за дверной косяк.
– Мне больно!

– Больно? – чеканю, сильнее потягивая ее за волосы. – Ты боль еще не пробовала, дерьмовая пародия на человека.

– Саш, отпусти ее! – бежит сзади Вадик в чем мать родилась.

– Съебался, червь навозный! – гаркаю и продолжаю волочь «гостью».

Он, видимо, не ожидал от меня такого, ведь застывает на месте.

– Иди, дорогая, погуляй! – с размаху швыряю бабеху на лестничную площадку.

Голая жопа эффектно шлепается на холодный бетон. Вадик мечется, как ошпаренный таракан, пытаясь втащить ее обратно. Но я уже замахииваюсь ногой.

Хрен тебе!

Со всего размаху даю ему поджопника. Этот кабель практически кувырком вылетает вслед за своей голой потаскухой.

Только он подается назад, захлопываю дверь прямо перед его носом.

– Сашка, мать твою, дверь открой! – кричит и стучит Вадик в дверь.

– Щас, блядь, только свечи зажгу, чтобы праздник был!

Для верности щелкаю дополнительный замок – мало ли соседка ключ даст.

Гори в аду «любовь»!

Схватив его дорожные рубашки и ее вонючее белье, подхожу к балкону. Все летит прямым в канализационный люк. Точный бросок! Не зря брат баскетболу учил.

Поздравляю, Сашка, теперь тебе можно уходить в полный отрыв!

Визуал

Васнецов Вадим (он же - червь навозный, таракан и т.д), 36 лет

Эта женщина известна под прозвищами, такими как марамо́йка и шлюшандра. Но на самом деле ее зовут Оксана.

Глава 2

Когда адреналин перестает бить в висках, приходит тишина – такая, в которой слышно, как что-то внутри меня тихо трескается. Все тело становится ватным, будто его обесточили. Колени подгибаются сами собой, и я оседаю на пол, не пытаясь удержаться. Просто сажусь там, где стою. Обхватываю себя за колени, прижимаюсь к ним лицом. Руки дрожат. Губы тоже. Слезы текут, тихо и медленно, без истерик. Просто катятся по щекам, как будто организм сам решил – пусть выйдут.

Реву больше всего не от измены, а от того, что все это время было впустую. Годы...

Боже, я на него потратила больше пяти лет. Столько сил, внимания, заботы, компромиссов. Я так старалась. Я принимала, терпела, сглаживала. Стирала, гладила, поддерживала, готовила, верила, молчала, когда хотелось кричать. В конце концов, ради «любви» я бросила успешную жизнь. Все – ради него. Ради нас. А он... Вот так подло предал меня. Это самое худшее из предательств, по моему мнению.

Провожу ладонью по лицу, смазывая тушь. В зеркале напротив отражается незнакомая женщина с опухшими глазами, растрепанными волосами и жалким взглядом. Хочется крикнуть этой ей: «Довольна? Хотела любви? Получай!»

Беру первую попавшуюся под руку вещь. Этот галстук я

подарила Вадиму три года назад, когда повысили его в должности. Сжимаю ткань в кулаке, а потом прижимаю к лицу, вдыхая знакомый запах его одеколona.

Всхлип вырывается резко, с надрывом. И сразу – второй, третий. Меня трясет. Эта боль в груди – как будто кто-то живую вырвал сердце, и в грудной клетке осталась только дыра.

Почему так? Почему люди так поступают со своими вторыми половинками? За что? Зачем причинять такую боль?

Столько вопросов, но ни одного ответа.

Перед глазами снова всплывает картина: наша кровать, его руки на ее бедрах, ее голова, запрокинутая от наслаждения. Злость накрывает новой волной.

Вскакиваю, хватаю его игровую приставку и швыряю ее о стену. Сверху прыгаю еще несколько раз, чтобы ей точно пришел конец.

К черту!

К черту этого ублюдка!

К черту эту квартиру, эти воспоминания, эту любовь, которая оказалась полной херней!

К черту всех!

Боже. Отец ведь действительно был прав. Все эти разговоры, его скепсис, его: «Мужики не меняются, только маскируются». Я злилась тогда, спорила. А теперь пришло осознание, что все эти годы я носила розовые очки. И вот они лопнули, показывая истинный цвет мира.

Иду в ванну, оттираю растекшуюся тушь и закапываю в глаза капли, чтобы убрать красноту, убрать слабость. Как бы мне ни было больно, нельзя расклеиваться. Этот ублюдок не достоин моих слез. Но как же больно от похеренной жизни и того, что могло быть.

Закрываю рот рукой, чтобы не вырвался новый всхлип.

Нужно звонить Ирке, она мне посоветует, что делать в этой ситуации, ведь сама проходила через это.

– Да, Сашуль, – отвечает она практически сразу.

– Этот урод мне изменил, – выпаливаю и достаю турку из шкафа.

Мне срочно нужен кофе. Или яд. Пока остановимся на кофе.

– Ты о чем?

– Я пришла домой, а на Вадиме скачет какая-то шлюшандра, как на скаковой лошади.

На том конце повисает тишина. Видимо, Ира прибывает в шок. Вот тебе и «дорожит репутацией». Угу, дорожит он, ага. Мне вот интересно, как долго он ебет эту марамоЙку?

Фу! Блять! Я же, черт побери, спала в этой постели. Мама дорогая, я же могла подцепить какую-то заразу.

Меня передергивает. Подсознательно чешу плечо, будто пытаюсь содрать с себя грязь.

Мразь. Даже гандон не натянул на свой хуй! Ему же и так хорошо.

И главное, я даже не замечала никаких изменений. Хотя стоп! Мне кажется, я знаю, когда он стал мне изменять. Отсутствие интима – это первый звоночек. Не один раз задерживался на работе. Появилось больше расходов. Ну да, шлюшку нужно же радовать подарочками. А я? Когда в последний раз он дарил цветы? Год назад на день рождения, и то какой-то веник. Мог бы и раскошелиться, ведь зарабатывает не три копейки. Урод!

Глава 2.1

Вбегаем в магазин, чуть не сбив стойку у входа. Смеемся, тяжело дышим, словно школьницы после вписки. Мчимся к алкогольному отделу, ведь у нас буквально три минуты. Берем бутылку водки, швепс, сок и идем на кассу. Расплатившись за нашу прелесть, выходим на улицу с облегчением.

– Блин, забыла сигареты, – хлопаю себя по лбу. – Я сейчас, подожди у входа.

Подхожу к стойке, открываю стеллаж и, черт побери, мои сигареты опять засунули на самый верх. Seriously? Вот как мне их достать? Кто вообще это проектирует? Хоть бы кассир помог.

Встаю на носочки, тянусь... еще чуть-чуть... почти достаю. Пальцы скользят по целлофану упаковки, но не хватает буквально сантиметра.

Вдруг кто-то кладет руки мне на талию. Никакой грубости, но от близости к незнакомцу словно искра пробегает по позвоночнику. Он легко тянется вверх, достает сигареты и передает мне их. Я медленно поворачиваюсь и упираюсь в широкую грудь, и только потом поднимаю глаза выше. Передо мной голубоглазый блондин с серьгой в носу.

Мать моя женщина!

Наши взгляды пересекаются. Пронзительно. Тихо. Почти физически.

В помещении словно исчезают все звуки. Мужчина продолжает держать меня за талию, от чего все тело покрывается мурашками.

Еще раз, мама дорогая!

– Вы будете расплачиваться? – выводит меня из транса кассирша.

Вздрагиваю. Мужчина продолжает на меня пялиться, от чего становится некомфортно.

– Вы бы не могли меня отпустить? – почему-то шепчу.

Он меня отпускает. Медленно. Разворачиваюсь к кассе, будто убегаю от того, что только что произошло.

Сердце стучит где-то в горле. Руки немного дрожат, пока расплачиваюсь.

Уже около двери оборачиваюсь и снова встречаюсь с ним взглядом. На мужском лице вдруг появляется мальчишеская улыбка, и он мне подмигивает. Меня мгновенно обдает жаром. Щеки вспыхивают, как у девчонки. Разворачиваюсь резко, почти спотыкаясь, и сбегая на улицу, как будто за мной гнался сам черт.

– С кем ты обжималась? – играет бровями Ирка.

– Без понятия. Просто подал сигареты.

– Ты видела его банки? Вот это мужик, – мечтательно закатывает глаза, и я фыркаю. – Не люблю дохляков, как ублюдок Вадик. Такие мужики, как тот блядинчик, точно поднимет на руки таких бомбит, как мы.

– Ну уж не знаю... Мускулы не всегда показатель силы.

Есть худые мужики, а силушки в них как в богатыре.

– Да, возможно. Но все равно, – Ирка хитро ухмыляется.
– Хочешь не хочешь, а в мужчине должна быть и сила, и уверенность, и, извини, нормальный хуй.

Я смеюсь. Ну конечно, разговор уже свернул туда, куда всегда сворачивает с Иркой после пары бокалов.

– Должен быть и не маленький, и не большой, как у слона. Помню, после того как развелась, переспала с мужиком, так у него хуй был такой здоровый, что я думала, сдохну. Смотрела в потолок и молилась, чтоб он быстрее закончил. После этого я не могла ходить несколько дней.

– Ужас... – смеюсь, прикрывая рот рукой. – Некоторые говорят, что для удовлетворения достаточно десяти сантиметров.

– Ой, пусть не пиздят. Эту херь придумал какой-то мужик с маленьким хером. Был у меня короткоствольный, ну такое удовольствие, честно говоря, так себе. Но зато старался. Отлизал так, что я чуть не улетела. В общем, у всех своя «норма». Одной и пятнадцати хватит, а другой и двадцати мало. Главное – чтобы думал не только о себе. Вот у Вадика твоего какой хер?

– Средний, – пожимаю плечами. – Не сказала бы, что большой или маленький. Но кончить я могла только когда сверху. Но это довольно редко происходило. Ему, кстати, не нравилась поза наездницы. Типа, не мужицкая.

– Вот же ублюдок. Даже тут думал только о себе. Ну и

пусть теперь та шмара его обслуживает.

Мы снова заливаемся смехом, чуть ли уже не икая.

– Все, слушай! Поехали в клуб. Потанцуем, потусим, забудем все это дерьмо.

– А поехали!

Глава 2.2

Господь всемогущий, как же давно я не отрывалась. Даже забыла, каково это – просто веселиться. Такое чувство, что мне не тридцатка, а всего восемнадцать. Ни забот, ни боли. Полный штиль.

Недалеко от магазина мы поймали такси и рванули к Ирке домой. Там и началось наше преображение. У нее этих париков – тьма-тьмушая. Всегда мечтала побыть рыжей, поэтому и напаялила парик с длинными выющимися волосами. Хоть на вечер почувствую себя другой. Натянула обтягивающие черные брюки, от которых мой зад смотрелся как вызов, и полупрозрачную розовую блузку. Да, у Ирки отрадный вкус в одежде. Никогда не скрывалась под безразмерной одеждой. Молодец.

Когда приехали в клуб, сразу выпили по стакану крепкого коктейля и отправились на танцпол. Мы с Иркой крутили своими аппетитными булками так, будто за нами наблюдала вся планета. Пофиг! Живем всего раз!

Около подруги уже минут пятнадцать крутится мужик. Облапывает ее без зазрения совести, а она не против. После развода она стала проще относиться к случайному сексу. Иногда я ей даже завидую. Может, мне тоже стоит? Почему бы и нет? Клин клином вышибают.

Пока подруга трется об своего кандидата на ночь, я проби-

раюсь к бару и заказываю еще один коктейль, который практически сразу выпиваю залпом. Если уж напивать, то делать это конкретно.

Интересуюсь у бармена, где можно покурить, и выхожу. На улице прохладно. Народу почти нет – и слава богу. Я не люблю, когда на меня пялятся, пока курю.

Прячусь за угол, где никого нет, и подкуриваю сигарету, делая первую затяжку.

Как же хорошо. Вот теперь понимаю людей, для чего они пьют. Никакие мысли не мучают, в голове полный штиль, и на все начхать.

– Сигаретой не угостишь? – раздается сбоку приятный баритон, в котором слышится хрипотца, будто медленно проскальзывающая по коже.

Поворачиваю голову, и первое, что вижу, это темная футболка, плотно облегающая рельефную грудь.

Долбанная коротышка! Толстая, так еще и низкая!

Медленно поднимаю взгляд... и сердце на мгновение замирает. Брови ползут вверх от удивления. Передо мной стоит он. Тот самый мужчина из магазина.

– Рыжий тебе не идет, – заявляет он нагло.

Пальцы неожиданно тянутся к моему парику и ловко сдергивают его. Я даже не успеваю отреагировать. Он заправляет выбившуюся прядь моих волос за ухо.

– Так-то лучше, – улыбается той самой хулиганской мальчишечьей улыбкой, от которой между лопатками вспыхива-

ет жар.

Смотрю на него чуть ли не разинув рот и тупо молчу. Он протягивает руку, берет из моих пальцев зажигалку и сигареты. Как он это делает... Черт. Я тупо наблюдаю за ним с каким-то долбанным восхищением.

Мама дорогая!

Он не классически красивый, нет. Но в нем та самая настоящая мужская притягательность, дикая и живая. Широкие плечи, высокая фигура, уверенность, проскальзывающая в каждом его жесте. Он – как бокал виски, терпкий и обжигающий.

– А ты сможешь меня на руки поднять? – вырывается у меня слишком быстро, слишком внезапно.

Я тут же прикусываю губу. Что за идиотка! Что у тебя с головой? Кто такое спрашивает у незнакомых мужчин?

Он выгибает бровь, а затем медленно скользит по мне сверху вниз и обратно. На лице появляется улыбка. Почти хищная.

Глава 2.3

Не могу сдвинуться с места, наблюдаю за тем, как он подносит ко рту сигарету и затягивается, медленно выдыхая дым. Мужчина выкидывает сигарету в урну и делает шаг ко мне. Я отступаю. Он делает еще один. И я отступаю снова, пока не ощущаю спиной прохладную стену. Подходит ближе. Так, что между нашими телами остается всего сантиметр, и я чувствую его тепло, его запах – свежесть с легким оттенком мускуса, сигарет и чего-то необъяснимо возбуждающего. И вот на лице появляется та самая улыбка, от которой перехватывает дыхание: опасная, дикая, уверенная в себе на грани самонадеянности. Она проникает под кожу, бьет по нервным окончаниям, и все тело отзывается мурашками. Холодок бежит по позвоночнику.

– Да, – говорит он, наклоняясь так близко, что его горячее дыхание касается мочки уха. – И трахнуть тебя я тоже могу. Прямо на весу.

Я замираю. Мои глаза распахиваются, в груди поднимается волна жара. Сглатываю образовавшийся ком в горле.

– Я могу выебать тебя так, – его голос понижается, – что ты будешь жалеть только об одном... что это не случилось раньше.

Вдруг его рука скользит под моей блузкой, обжигая кожу спины. Мурашки снова бегут по телу, и он чувствует это.

Внизу живота затягивается тугой, сладкий узел, сердце колотится так, будто я сорвалась с обрыва, а дыхание сбивается, словно пробежала стометровку.

Не могу и слова сказать – язык будто прилип к небу. Подобное со мной происходит впервые.

– Ну же, Зайчонок, – приподнимает мой подбородок, и наши взгляды встречаются, – Расскажи, о чем ты мечтаешь, – его губы едва касаются моих, словно дразня. – Какие у тебя грязные фантазии? Я исполню каждую. Ты ведь хочешь? – шепчет словно змей-искуситель, проникая под кожу.

– Да... – вырывается раньше, чем успеваю осознать.

На его лице появляется зловещая улыбка, от чего становится не по себе, но, черт возьми, это только разжигает меня сильнее.

– И предупреждаю, как только ты окажешься в моей машине, назад пути не будет.

– Ты точно осилишь меня? – пьяный язык уже вообще не контролирую.

Из него вырывается такой приятный низкий смех, что невольно люблюсь им. На мгновение зависаю, представляя, как он хрипло шепчет мое имя, как его сильные пальцы впиваются в мои бедра...

Черт, мне действительно нельзя пить!

– Главное, – почти касается моего уха губами, – чтобы ты меня осилила.

Он хватается меня за руку и тащит в клуб через всю толпу

прямо к двери, в которую мы с Иркой вошли.

Как только оказываемся на улице, мужчина ведет меня на парковку. Мы останавливаемся у огромной черной тачки, фары мигают. Он даже не дает мне подумать, прежде чем сесть, просто заталкивает в машину и закрывает дверь.

На секунду перестаю дышать. Лоб покрывается испариной от волнения. Одна часть меня кричит «беги, дура», а другая – «останься, идиотка».

– Не передумала? – интересуется он и вставляет ключ в зажигание.

Отрицательно качаю головой.

– Я не слышу ответа.

– Нет, не передумала, – хриплю.

Была не была. Живем один раз!

– Правильное решение, – улыбается он и заводит машину.

– Меня зовут Богдан. Запомни это имя – чтобы знать, чье имя кричать, когда будешь кончать.

– Саша, – закусываю губу. – Мое имя.

Визуал

Алмазов Богдан Константинович, 34 года.

Десять минут я думала, что вам следует о нем знать, но в итоге решила, что в процессе все станет понятно.

Но если вдруг вам все-таки не терпится, вы можете познакомиться с ним, как с второстепенным героем, в книге "Импульс смерти"

<https://litnet.com/shrt/PPCG>

Глава 3

В висках пульсирует, а внизу живота странное, тягучее тепло, смешанное с леденящим стыдом. Что я, блять, творю? Мысли путаются то ли от алкоголя, то ли от дурости.

В машине пахнет кожей и дорогим одеколоном. А сама энергия внутри пропитана чем-то первобытным и хищным. Сексуальность в каждой детали: движение руки на руле, расслабленная поза, полувзгляд, уголки губ. Он не старается казаться опасным, оно и так чувствуется. И это пугает.

А если он... маньяк? В голову лезут чертовы криминальные хроники: лес, ночь, кости, закопанные тела. Представляю, как он с идеальным спокойствием разделявает мое тело, а потом жарит его на гриле под вино.

Господи, Сашка, что творится с твоей головой? Каннибал, серьезно? Мы же не в дешевом триллере, в конце концов.

Краем глаза гляжу на него. Богдан говорит по телефону уже минут пять. Голос глубокий, спокойный, с той легкой хрипотцой, которая почему-то вызывает озноб. Он смеется, уголки глаз собирают маленькие морщинки. Улыбка широкая, настоящая. От нее у меня внутри щекочет. Почему-то хочется прижаться щекой к его плечу, просто так – чтобы почувствовать тепло, силу, защиту.

Кто-то важный на том конце провода. Женщина? Сердце екает, поднимается где-то к горлу, царапая изнутри. Наде-

юсь, не жена... Взгляд сам собой скользит к его руке, обхватывающей телефон. Выдыхаю с каким-то облегчением, когда не замечаю кольца или следа от него. Хотя сейчас многие их не носят.

Эх, а зря. Мне нравится, когда мужчина носит кольцо, в этом есть что-то теплое, надежное. Признак того, что он способен на верность, на эту хрупкую, почти мифическую вещь – настоящую любовь.

Черт, и опять ерунда! Сколько козлов носят его, трахая все, что движется. Кольцо не делает из мужчины человека. Печально, однако.

– Ладно, Лапуля, мне пора. У меня тут, – кидает в мою сторону быстрый взгляд, – очень важное дело. Передай Люку, что завтра позвоню.

Сбрасывает вызов и небрежно кидает телефон на панель. Его внимание полностью переключается на меня, и от этого начинает зудеть под кожей.

– Ты женат? – спрашиваю прямо в лоб, смотря на него.

Его губы растягиваются в хитрой, почти волчьей улыбке. И, черт возьми, она мне нравится. В ней нет привычной людской фальши, той натянутой вежливости, за которой обычно скрывается равнодушие. Только спокойная уверенность и какая-то... игра?

– Хочешь тройничок? – бросает он, приподнимая бровь, будто проверяя мою реакцию.

Вот же извращуга! Нахал! Сексуальный, чертовски уве-

ренный в себе нахал. Но почему, черт возьми, от его слов по телу пробегает ток?

– Нет, – фыркаю я, закатывая глаза. – Подобные эксперименты – не для меня. Просто не хочу лезть туда, где уже кто-то есть.

– А че это так?

– Это нечестно по отношению к тому человеку, который является, предположительно, твоим партнером.

– Никого нет, – пожимает он плечами. – Никого, кто бы ждал. Никого, кому я что-то должен.

– А у меня не желаешь спросить, свободна ли я? – выдаю язвительно, но пальцы предательски стучат по колену, выдавая внутреннюю дрожь.

– Мне абсолютно похуй, – произносит это почти лениво. – Мы оба взрослые. Никто никого не держит за руку, никто не тянет силой. Хочешь – оставайся. Не хочешь – скажи.

Пауза. Его палец медленно касается моего запястья и начинает водить по коже узоры. Простое прикосновение, но от него по телу разбегаются мурашки, а между ног все сильнее сжимается. Стискиваю колени – не от стыда, а от отчаянного желания сдержать это нарастающее, беспомощное возбуждение.

Глава 3.1

– Каждый идет на это осознанно. Все эти «был пьян», «не понимал, что делаю» – полная хуйня. Мы всегда знаем, чего хотим. Просто не всем хватает яиц себе в этом признаться.

Он прав. Богдан действительно прав, и с ним я на все сто процентов согласна.

– Я... никогда не спала с незнакомцем, – слова вырываются шепотом.

И на мужском лице появляется улыбка. Не пошлая. Не высокомерная. А какая-то... искренняя. И от этой улыбки сердце реально останавливается на долю секунды.

– Приятно быть первым, – голос низкий, с хрипотцой, будто специально соблазняет.

– А ты как часто занимаешь сексом с незнакомками?

Ловлю себя на том, что разглядываю его губы, представляя, как они могут ощущаться на моей коже. Мама дорогая!

– Постоянно, – пожимает плечами.

Никакой вины. Никакого хвастовства. Просто факт.

Блядь. Вот же... Аж передергивает. То ли от зависти, то ли от того, насколько он свободен в своих желаниях. И насколько я – нет.

– И каково это? – выдыхаю, чувствуя, как жар обдаёт все тело, и хочется скинуть с себя всю одежду к чертовой матери.

– По-разному, – теперь его пальцы играют с моими воло-

сами, накручивая прядь на палец. — У мужчин все проще. Видим красивую женщину — хуй встает. Это признак того, что нужно поебаться. Чистая физиология, — палец скользит по моей шее, оставляя за собой след из мурашек. — А вот вы, женщины... вам нужно больше. Вам нужны слова, атмосфера, разрешение самой себе. Многих из вас колбасит от случайного секса, забиваете голову всякой хуетой, — замолкает, давая мне время осознать его слова. — Так что это твой последний шанс сказать «нет». Я могу просто отвезти тебя домой. И все забудем. Будет, как будто ничего и не было.

Вот сто процентное попадание. Мысль о том, что будет дальше, не дает покоя. А что, если нужно просто пересилить этот страх и дать волю? Ирка же прекрасно живет — поебалась, попрощалась, никаких «ты где был?», «когда будешь дома?». Свободна, довольна, сыта. И если секс говно — ну так и хуй с ним, больше не станешь ноги раздвигать.

И ведь правда, почему бы не попробовать? Тем более с ним. От Богдана прет такая живая, почти осязаемая энергия, что кажется, будто воздух вокруг него вибрирует.

— Я не передумала, — мой голос звучит тише, чем я планировала, но тверже, чем ожидала. — И не собираюсь.

— Хорошая девочка, — он произносит это так, будто делает мне комплимент и дает оценку одновременно. — Я молился всем богам, чтобы ты не передумала, — кладет ладонь на мое колено. — А теперь будь послушной и сними штаны вместе с трусиками. Медленно. Чтобы я мог запомнить каждый мо-

мент.

– З-зачем? – голос срывается, когда я сглатываю комок.

Ладони влажные от волнения, а между ног пульсирует с еще большей интенсивностью.

Богдан улыбается в том самом хищном полуоскале, от которого поджилки предательски дрожат. Он медленно проводит языком по нижней губе, и мой взгляд автоматически фиксируется на этом жесте.

– Хочу почувствовать, насколько ты мокрая и услышать, как ты будешь стонать, когда мои пальцы наконец окажутся в твоей киске.

Господь всемогущий!

Внизу живота резко сжимается, будто кто-то дернул за невидимую нить. Такого внезапного, почти болезненного желания я не испытывала, кажется, никогда.

– Давай же, Зайчонок, – он произносит это ласково, но в интонации слышится стальная нота, – покажи мне, какая ты послушная.

Глава 3.2

Я ерзаю на кожаном сиденье, как на раскаленной сковороде. Его ладонь скользит по внутренней стороне бедра.

– Я... я... – слова застревают в горле, когда его пальцы начинают размеренные круговые движения прямо между ног.

Машина в который раз останавливается на светофоре.

– Приятно, не правда ли? Это всего лишь прелюдия. Представь, что будет, когда не останется ни одной преграды. Снимай штаны, Сашуль.

А-а-а-а... Как же сексуально он произнес мое имя. Это что-то просто невероятное.

Мозг просто отключается. Пальцы дрожат, расстегивая пуговицу. Один рывок, и штаны вместе с кружевными трусиками – черными, кстати, как же удачно, – сползают до середины бедер.

Краем глаза замечаю, как он достает упаковку влажных салфеток из-под подлокотника. За это можно поставить пять с плюсом. Не каждый мужчина заботится о таких мелочах.

Богдан методично вытирает пальцы, и этот простой ритуал почему-то возбуждает сильнее, чем любые похабные намеки. Возможно, потому что в нем читается та самая взрослая ответственность.

– Послушная и чертовски сексуальная девочка, – бросает короткий взгляд на меня и переводит взгляд на дорогу. – Как

думаешь, успеешь кончить за две минуты?

Пиздец. Я и так уже на краю. Сжимаюсь, пытаюсь не стекать прямо на сиденье.

– Почему именно две? – выдыхаю, глотая воздух.

– Потому что ровно столько нам осталось до моей квартыры.

Проворливые пальцы начинают медленное скользить по внутренней поверхности бедра, вызывая мурашки.

– Я не уверена... – начинаю я, но тут его палец скользит выше, едва касаясь моих складок, и этого хватает, чтобы мозг выдал короткое замыкание.

– Вот сейчас и посмотрим, – в уголках губ снова появляется та самая улыбка, от которой живот сжимается в сладком предвкушении.

Мышцы влагалища непроизвольно сжимаются, когда Богдан проводит пальцем между складочек.

– Ты в курсе, что уже безумно мокрая?

– Меньше слов, – выдыхаю сквозь стиснутые зубы, прикусывая губу, чтобы не застонать.

– Нетерпеливая, – смеется он.

Прежде чем я успеваю что-то сказать, он резко, но точно входит в меня пальцами – медленно, с нажимом, растягивая, наполняя так, что спина сама выгибается дугой, а бедра невольно подаются вперед, как будто выпрашивают еще глубже.

– Бо-оже... – вырывается стоном, пока я цепляюсь в кожа-

ное сиденье.

– Да, называй меня своим богом, – шепчет он, ускоряя движения пальцами. – Я отправлю тебя в рай, Зайчонок. Все самое лучшее тебя ждет впереди, когда окажемся в квартире. Буду входить в тебя медленно, нежно, пока ты не станешь умолять войти себя до конца.

Его похабные слова смешиваются с влажными звуками, создавая дьявольский коктейль возбуждения. Никто прежде не так меня не трогал. Да что там, никто даже не говорил, будто трахает уже словами. Мои бывшие... Ха. Жалкие прикосновения, робкие попытки. А Вадик? Боже, тот вообще считал прелюдию досадной формальностью.

Но Богдан... Он будто на ощупь читает мое тело, как алфавит Брайля. Он будто читает мое тело как раскрытую книгу, его пальцы творят чудеса, заставляя пальцы ног произвольно сгибаться, а внутренние мышцы пульсировать в ритме его движений.

Жена у него в будущем, конечно, будет в шоколаде. Вот только если он так пальцами творит чудеса... Что же будет, когда он реально трахнет?

– Давай, Зайчонок, кончи мне на пальцы. Я чувствую, что ты уже на грани, и как твои стенки сжимаются вокруг моих пальцев.

О, блять. Его голос проникает в меня не хуже самих пальцев. И когда большой палец находит клитор – ровно в точку, с нужным давлением, с тем самым углом – я почти уми-

раю. Остальные пальцы внутри ускоряются, и каждая гребаная фаланга цепляет ту точку – ту самую, о которой я, черт возьми, даже не подозревала.

– А-ах! – вырывается резко.

Оргазм накрывает волной, яростно, без предупреждения, как удар током. Спина выгибается в почти неестественном изгибе, руки впиваются в кожу сиденья. Глаза закатываются, мир сужается до удовольствия между ног, до его пальцев, которые продолжают двигаться, продлевая спазмы.

– Бо-оже... Бо-о...

Мышцы влагалища интенсивно сокращаются вокруг его пальцев. Дыхание перехватывает. Я кончаю по-настоящему, по-животному. Никогда, никогда в жизни не получала вот так – от пальцев. Да и мужчина никогда не доводил меня до такого, только сама в позе наездницы.

Когда, наконец, открываю глаза, он смотрит на меня так, как будто сейчас разорвет. Взгляд – звериный, темный, с голодом, от которого по коже снова пробегают мурашки, а между ног – предательски отзывается новым спазмом.

Глава 3.3

– Сашуль, – он произносит мое имя так, будто это ругательство и молитва одновременно, – ты стонешь настолько сексуально, что у меня головка к хуям лопнет. Это пиздец как возбуждает, – свободной рукой сжимает руль до побеления костяшек, и я бросаю взгляд вниз, где четко видно выпирающий бугор.

Провожу языком по пересохшим губам, представляя, как будет выглядеть его дружок, какой он на ощупь, как пахнет. Впервые за много лет мне снова хочется опуститься на колени, провести языком по бархатной головке, а потом взять член полностью в рот.

– Зайчонок, – вырывается из него хрипло, – если будешь смотреть на меня с таким голодом, я решу, что ты мечтаешь мне отсосать.

Сердце бешено колотится, кровь пульсирует в висках.

– А если и так? – выдыхаю я, чувствуя, как внутри все переворачивается.

Пофиг! Пофиг на стыд! Пофиг на правильность! Пошло все к чертовой матери! Столько лет я отказывала себе в удовольствиях, хоронила желания под слоем «правильного» поведения. Но сейчас... сейчас хочется только одного.

– Блять! – цедит сквозь зубы. – Давай это отложим на потом. Мы уже на месте. Да и вообще, хочу тебя уже на своем

члене, – взгляд пылает такой голодной страстью, что по спине пробегают мурашки.

Машина въезжает в полутемный подземный парковочный комплекс. Я натягиваю штаны с трусиками, влажная ткань неприятно прилипает к коже. Богдан выскакивает из машины и почти бегом тянет меня к лифту, а я едва успеваю за ним.

Как только двери лифта закрываются, он резко хватает меня под бедрами, поднимает, словно не вешу восьмидесяти килограмм, и прижимает к зеркальной стенке.

– Что ты делаешь?! – взвизгиваю.

– А ты как думаешь? – проводит носом по моей шее, вдыхая аромат кожи, смешанный с духами и возбуждением.

Твердый член через ткань брюк давит на мою и без того чувствительную промежность. В животе завязывается новый узел желания.

– Ты что, собрался трахать меня в лифте? – сглатываю комок в горле.

Предательская и похотливая часть меня уже представляет, как это могло бы быть... как он врывается в меня грубо, как стекло лифта дрожит от наших толчков, как я стону, как мы рискуем быть пойманными в любой момент.

– Ты же хотела...

– Я просто поинтересовалась, сможешь ли ты меня поднять, – перебиваю его.

– Но ты же хочешь, чтобы я тебя так выебал, – сжимает

мою задницу, заставляя меня прижаться к нему еще сильнее.
– Хочешь, но боишься признаться.

– Хочу, но...

В горле пересохло. Все тело просит: «Давай», но остатки контроля еще цепляются за обрывки приличия.

– Но? – он отстраняется ровно настолько, чтобы я увидела его поднятую бровь и хищный блеск в глазах.

– Давай сделаем это в твоей квартире.

Он замирает. Его пальцы, только что сжимавшие мои бедра, слегка ослабляют хватку.

– Не так.

Я моргаю, пытаюсь понять его слова.

– Что... не так? – язык будто ватный, в ушах гудит.

Богдан скользит губами по моей шее, оставляя за собой след из мурашек. Каждое прикосновение как удар тока, разжигающий огонь под кожей. Он движется медленно, скула, уголок губ, едва касаясь, дразня, заставляя содрогаться всем телом.

– Выеби меня, – произносит медленно, смакуя каждый слог, – как самую последнюю шлюху.

Меня прошибает с ног до головы. Воздух застревает в легких, сердце бьется так сильно, что, кажется, вот-вот разорвет грудную клетку. Слова давят изнутри, требуют выхода.

– Выеби меня... – мой первый шепот едва слышен, но затем голос становится громче, наполняясь чем-то темным и запретным, – как самую последнюю шлюху.

Его глаза вспыхивают. Голубые радужки почти исчезают под черными зрачками, в них только голод. Животный, звериный.

– Да, мать твою! – теперь я почти кричу, и что-то внутри ломается, высвобождая ту часть меня, которую я так долго прятала. – Еби меня так, словно это делаешь в последний раз!

– Вот так, – он шипит мне в губы, вынося из лифта, – вот так, моя грязная девочка.

Глава 4

Опустив меня на пол около своей квартиры, Богдан вводит пин-код на панели, дверь щелкает, и он распахивает ее, практически впихивая меня внутрь. Свет сам загорается, дверь тут же захлопывается за нами, и мужчина налетает на меня, прижимая к стене, сразу же впечатываясь в губы. Целует грубо, влажно да и вообще так, что ноги подкашиваются.

Господь всемогущий!

Как же он целуется... Я словно вернулась в прошлое и стала девчонкой, которая познала все удостоверение поцелуя.

Он практически поглощает меня, глубоко проталкивая язык в мой рот. Наши языки крутятся друг вокруг друга, как будто у них своя оргия началась. Меня трясет. Я захлебываюсь этим всем, и мне хочется только одного – чтобы он не останавливался.

Пока я распадаюсь на молекулы, Богдан уже возится с моими штанами – пальцы ловко расстегивают пуговицу, молнию. В следующее мгновение он уже внизу, на коленях, и сдергивает их с меня. Туфли летят в сторону, штаны с трусами тоже. Осталась в одной блузке и лифчике.

Он сам раздевается так быстро, что я даже глазом не успеваю моргнуть. Шмотки летят, как в гребаном стриптиз-клубе, только все по-настоящему. Бросаю взгляд на член и во

рту скапливается слюна, которую следом же и сглатываю.

– Хочу твои сиськи, – рычит он, стягивая с меня блузку через голову. – Хочу пососать твои соски. Прямо сейчас.

Богдан вплотную прижимается ко мне, расстегивает лифчик одним уверенным движением и смотрит на мою грудь так, будто это его, гребаный, последний ужин.

– О-о-о, Зайчонок... – выдыхает, почти стонет. – Они охуенные.

Хватает руками обе груди, сжимает, мнет и тут же жадно припадает к одному соску. Сосет, втягивает, облизывает, а потом – легкий укус.

– А-а-ах, – вырывается из меня стон.

Пальцы сами находят его волосы, цепляюсь, притягиваю его к себе сильнее. Хочу, чтобы он не останавливался. Никогда.

Через несколько секунд он втягивает в рот второй сосок, играя с ним языком. Я уже не дышу.

Когда же... Когда же он в меня войдет? Не могу больше. Еще секунда и просто сдохну от перевозбуждения. Сил просто нет.

Он берет мою руку и кладет на свой член, я крепко сжимаю его и делаю несколько движений. Мои брови ползут вверх, когда чувствую что-то металлическое чуть ниже головки.

Мать моя женщина! Да у него пирсинг!

Богдан отрывает от моей груди и рвет зубами упаковку

презерватив, и делает это в точности как показывают в фильмах.

– Хочешь надеть? – протягивает латексный кружочек.

– А... эм... – закусываю нижнюю губу переминаясь на месте. – Я не умею. А точнее у меня не получается.

– Я бы показал, – отвечает, кладя свою руку на мою. – Но если я не войду в тебя прямо сейчас, то просто сдохну. Реально сдохну.

Богдан быстро надевает презерватив, а потом смотрит на меня так, как будто я его единственная грязная фантазия. Этот взгляд – черт, он пробивает меня насквозь.

– Держись крепче, Зайчонок, – сжимает половинку задницы. – Сейчас я тебя выебу, как самую последнюю шлюху. Как ты и хотела.

И я не просто дрожу – меня трясет. Я вся пылаю. Потому что, черт возьми... да. Я этого и хотела.

Мужчина подхватывает под бедрами и насаживает на свое возбужденный член. Я сейчас настолько мокрая, что даже и не припомню такого, когда такое со мной было.

Глава 4.1

Стенки влагалища крепко сжимаются вокруг член. Мы оба стонем в голос. Полная наполненность. Даже дискомфорт уходит на второй план, ведь мне действительно хорошо. Так хорошо, что все условности и мысли о неправильности уходят на второй план.

– Поехали, – нагло бросает и набрасывается на мои губы, завладевая языком.

Когда Богдан начинает двигаться мои глаза расширяются, и я вонзаю в его плечи, ведь это настолько глубоко, что даже немного больно. Мне показалось, что он полностью во мне. А нет...

– Тебе больно? – интересуется он и замирает.

И тут я просто теряю дар речи. Охренеть. Кто вообще когда-то у меня это спрашивал? Точно не Вадик – тот вообще иногда думал только о себе. Смазка – и вперед, даже не удосуживаясь проверить, мокрая ли я, хочу ли я, живая ли вообще.

Какого хрена я думаю об этом эгоистичном ублюдке, когда меня ебет совершенно другой мужик. И делает он куда лучше.

– Больно, – хриплю. – Но, черт возьми, как же охуенно. Не смей останавливаться.

– Если станет слишком, просто скажи.

– Да, блядь! Да заткнись ты уже и выеби меня как следует!
– срываюсь, не выдерживая.

Затыкаю его рот поцелуем и чувствую, как он улыбается в ответ, как будто ждал этого момента.

Богдан начинает двигаться. Сначала медленно, глубоко, чувственно. Потом – чуть быстрее, чуть резче. И вот он уже трахает меня по-настоящему, уверенно, крепко, с ритмом, который забивает пульс в виски. Боль превращается в острое наслаждение. Я вся извиваюсь, ногтями цепляюсь за его плечи, а потом запускаю пальцы в его волосы и тяну назад – хочу видеть, как он на меня смотрит, когда погружается до конца.

Стоны вырываются настолько громкие, что становится сразу стыдно перед соседями. Пот течет по виску, но мне плевать, сейчас важнее всего кончить.

Внезапно Богдан отрывает меня от стены и несет куда-то, по всей видимости в спальню. Он кладет меня на кровать бережно, но быстро. Щелкает выключатель – и вся пространство заливается ярким светом. Я тут же съеживаюсь, автоматически натягиваю покрывало на грудь.

– Выключи свет... – сглатываю, почти шепчу.

Он выгибает бровь, проводит ладонью по своему члену, медленно, нарочно вызываяще.

– Я... я стесняюсь, – бормочу, поджав губы.

Глупо, правда? После всего, что уже было. Но свет... в нем я как на витрине.

И тут он резко хватает меня за лодыжку. Я визжу от

неожиданности, даже не столько от боли, сколько от его резкости.

– Зайчонок... – голос у него уже совсем низкий, звериный. – Иди-ка сюда. Я покажу тебе, что вижу я.

Он тянет меня за руку, поднимает, разворачивает... и вот я стою перед зеркалом, что висит сбоку от кровати.

Моя кожа покрыта мурашками. Щеки покраснелись. Губы распухли. Волосы растрепаны, соски торчат. В глазах – похоть. Грудь тяжело поднимается.

Богдан стоит сзади, и я словно теряюсь в его тени. Он на две головы выше, плечи широкие, крепкие. Грудь массивная, как у бойца. Он такой... мужик. Настоящий. А я рядом с ним – жирная баба, с бедрами, как у коровы, и сиськами, от которых только бюстгальтеры страдают. Вот честно, именно так себя сейчас и чувствую. Особенно под ярким светом.

И тут он берет меня за подбородок и фиксирует мой взгляд прямо на отражении в зеркале.

Глава 4.2

– Знаешь, что я вижу в зеркале? – хрипит, прижимая к себе, его грудь касается моей спины. – Передо мной охуенная женщина. Такая, от которой у меня хуй стоит колом.

Он накрывает ладонями мои груди, сжимает, чуть тянет соски – и я не могу сдержать стона.

– Твои большие сиськи – просто космос. Идеальные, чтобы мять, сосать и трахать их. А задница... черт, эта задница – как наркотик. Я бы только на нее и смотрел. Я бы ей гимн написал. Она создана для того, чтобы шлепать по ней.

Богдан разворачивает меня резким движением, и я впечатываюсь прямо в его грудь. Он берет мою руку и кладет на свой твердый член.

– Чувствуешь, как он пульсирует и жаждет тебя? – смотрит мне в глаза. – Вот и не забивай свою охрененно красивую голову тем дерьмом, что вбили в тебя какие-то придурки – будь то твои бывшие или ебаное общество. Ты – огонь. Ты – пиздец какая возбуждающая.

В следующий момент мы уже на кровати. Богдан ставит меня раком и пристраивается сзади. Одна рука держит меня за талию, вторая шлепает сначала по одной ягодице, потом по другой. Я дергаюсь, задыхаюсь.

– Смотри на то, как я тебя буду ебать, – шепчет, кладет руку мне на горло властно тянет назад.

Я выгибаюсь, моя спина прижимается к его груди, и то что я вижу в отражении зеркала заставляет пульс участиться. Впервые за долгие годы ощущаю себя сексуальной, откинув в сторону свой лишний вес. Вот правду говорят, что сексуальность в женщину вселяет мужчина, в принципе, как и лишает ее. Вот до чего же женская психика зависит от мужчин.

Богдан долбит меня, меняет позы, хватает за волосы, держит крепко, шлепает по заднице, как будто я его личная сучка, и он больше никому не отдаст. Я захлебываюсь в своих столах, голос практически сорвала, а силы на последнем издыхании. Все тело как будто разрывается на куски. Я в бешеном наслаждении.

Когда чувствую, что оргазм вот-вот на подходе, принимаю позу наездницы и сама задаю темп. Только так смогу кончить. Мои ладони упираются ему в грудь, он держит меня за бока, помогает двигаться. Я знаю свой ритм, свой угол, свои точки.

Всего несколько толчков... и все. Все! Я взрываюсь. Слезаю. Кончаю с такой силой, что тело трясет, как будто меня бьет током. Тело начинает биться в конвульсиях сжимая крепко член.

Богдан быстро сообразив начинает двигаться подо мной, продлевая мою эйфорию. И сам кончает – горячо, резко, с протяжным, низким стоном. Не ожидая самой от себя кончаю следом еще раз, впиваясь ногтями в его грудь.

Когда меня отпускает, просто падаю на него, как тряпич-

ная кукла. Голая, вся в поту, полностью выжатая. Он дышит тяжело, но не отталкивает – наоборот, обнимает крепче. Его сердце бешено стучит у меня под ухом. Зарываюсь в него лицом. Постепенно дыхание становится ровнее, тепло растекается по телу.

И глаза просто закрываются сами. Я засыпаю прямо на нем. Без стыда, без мыслей, без страха, что «мешаю». Потому что впервые за долгое время чувствую себя... на месте.

Глава 5

Где-то далеко орет телефон. Мой телефон. Хочу пошевелиться, но по телу, будто прошелся каток. Каждая мышца ноет, словно после аэробики.

Открываю глаза и упираюсь взглядом в белый потолок. Медленно поворачиваю голову, и... глаза широко раскрываются.

Мать твою! Кто это?!

Моргаю. Раз. Два. Три. Паника поднимается от живота к горлу. И тут, перед глазами – вспышка, фрагмент флешбэка: губы, руки, голос, стон... и я вся в этом.

Мама дорогая!

Щеки моментально вспыхивают. Я беззвучно вскрикиваю, сжимаю губы, чтобы не вырвался вслух стон чистого, неприкрытого стыда.

Сашка, блять, что ты натворила? Где твои мозги? Сколько тебе лет, а? Переспать с незнакомцем... Да ты с ума сошла? Определенно, сошла.

Аккуратно, будто мина под боком, снимаю с себя его руку. Встаю на ноги, тело сразу прошибает болью, но больше всего ноет между ног. Такое чувство, что вчера меня не трахали, а разобрали по косточкам.

На цыпочках добираюсь до двери спальни. Только бы он не проснулся. Только бы не видеть эти глаза еще раз. Если

он сейчас проснется, я сгору к чертовой матери со стыда.

Бросаю последний взгляд через плечо: Богдан спит, развалившись, как властелин мира. На нем только простыня, и черт, даже так он выглядит грязно-привлекательным.

Выхожу. Дышать легче. Но ноги дрожат.

На ходу натягиваю вчерашние вещи. К счастью все цело – без дырок и пятен. Трусы не считаются. У обувного шкафчика валяется сумочка. Хватаю телефон, тыкаю по экрану, вырубая будильник. Как Богдан только не проснулся? Бросаю взгляд на время и зажмуриваюсь.

Черт! Через тридцать минут принимаю зачет у Клименко. А я даже не знаю, где, мать его, нахожусь.

Не думая, вылетаю за дверь. Плевать, как выгляжу. Плевать, что люди увидят в непонятно каком виде. Главное – побыстрее добраться до работы.

Уже на улице заказываю такси через приложение. Слава богу не на краю света. Доберусь быстро. Пишу сообщение Ирке, что жива и здорова. Сообщения, да и звонки с неизвестного номера игнорирую. Сто процентов тот ублюдок. Пусть горит в аду со своей шмарой.

В машине достаю зеркальце из сумочки, смотрю в него и стону вслух, когда вижу свое отражение. Тушь растеклась, на голове – я упала с самосвала тормозила головой. Но... лицо сияет. Не как после маски или новой сыворотки, а как будто изнутри. И самое заметное в глазах не та привычная усталость.

Боже, вот что с человеком делает качественный секс. Это триндец! Я даже и не знала, что может быть вот так хорошо.

Откидываюсь на спинку сиденья, вжимаюсь в нее. В голове ни одной внятной мысли. Только обрывки: его пальцы на моей коже, горячее дыхание у шеи, хриплый голос: «Вот так, моя грязная девочка...».

Черт!

Меня бросает в жар. Между ног снова пульсирует. Все тело будто вспоминает, как он прижимал меня, как впивался пальцами в кожу, как не оставлял воздуха, трахая грубо. Вот бы унять это все. Вот так, как это было ночью. Господи, что он со мной сделал?

Быстро привожу свое лицо в порядок с помощью влажных салфеток, а волосы расчесываю пальцами. В принципе сойдет. Даже еще прилично выгляжу. Как будто так и планировалось – легкий беспорядок на голове. В рот кидаю сладкую жвачку, хоть и не люблю. Предпочитаю мятные. К сожалению, Ирка покупает только фруктовые.

Когда такси останавливается около главного хода, быстро вылетаю и практически мчусь со всех ног. Солнце подпекает, пот выступает на лбу – смахиваю его и бросаю взгляд на экран телефона.

Я же никогда не опаздываю! Минута до начала, а мне еще нужно в методический кабинет заскочить за всем необходимым.

Глава 5.1

– Дорогая наша Александрюшка Евгеньевна, – появляется Клименко так неожиданно, что я чуть не подпрыгиваю. – У вас такое выражение лиц, словно за вами бегут адские псы.

– Дим, – чуть ли не рычу, глядя на него исподлобья, – вместо того, чтобы сегодня отсыпаться под одеялом, мне приходится принимать у тебя зачет. – Так что не раздражай меня еще больше.

Он склоняет голову в театральном поклоне, в глазах – искорки, как у безобидного чертенка.

– Простите меня, о самая прекрасная, неповторимая и самая невероятная богиня. Я премного вам благодарен.

– Клименко! Хватит льстить! Зачет за красивые глазки и комплименты в мою сторону не ставлю.

– Александра Евгеньевна, – делает вид, что обижен, – вы меня раните в самое сердце. Я от души! Из всех преподавателей вы самая снисходительная. Даже когда злитесь, вы такая... живая. Не мым... деспот как некоторые.

– Все, Дим, иди в 64 аудитория и готовься. Через несколько минут подойду, только заскочу в методический.

– Я выучил один билет, как вы мне и сказали, – улыбка на его лице становится еще шире.

– Вот и посмотрю, что ты там выучил.

Когда вхожу в методичку, из пяти рабочих мест, пустует

мое, Иры и еще одно. За одним столом сидит Антонина Петровна, уткнувшись в бумаги. А за другим – Виктория Николаевна, преподаватель анатомии.

– Здравствуй, Шурочка, – кивает Антонина Петровна.

– Здравствуйте, – направляюсь к своему столу.

– Сегодня ты что-то припоздала, – цедит Виктория, прищурившись.

Если честно, терпеть не могу эту змею. Вечно смотрит с таким видом, будто она тут царица вся кафедра, а мы – холопы, которые должны пресмыкаться.

То, что ее поебывает женатый зам декана не дает права смотреть на всех свысока. До сих пор удивляюсь, как ей еще лохмы не повыдирали жена зама. Ирка ее знает и сказала, что та женщина и хребет может вырвать голыми руками. Смелые однако. Я бы не рисковала.

– Одной ногой в отпуске.

– Рано еще, – цокает, – рано. Раньше середины июля не уйдешь.

– Ой, – делаю невинное лицо, – а вам Владимир Степанович не сказал, что через две недели я уйду в отпуск?

Ее глаз дергается. Я получаю почти физическое удовольствие от того, как она морщится, сжав губы.

– Побежала я, – говорю с притворной легкостью, – а то Клименко ждет. Он там уже билет заучил.

Бросаю сумку на стол, беру папку, телефон, очки и выхожу, захлопнув за собой дверь. Пока иду по коридору, от-

крываю непрочитанные сообщения. Так и думала, что червь навозный писал. Фыркаю, даже не дочитываю. Достаточно: «Дорогая, дай мне все объяснить. Я люблю только тебя. Во всем виновата Оксанка».

Ага. Конечно. Ты у нас просто случайно засунул туда, куда не стоило? Кобель ты! А не виновата Оксанка.

Удаляю все к чертям и захожу в аудиторию. Клименко уже на месте развалился, как у себя дома и улыбается во весь рот.

– Александрюшка Евгеньевна, сегодня вы выглядите совершенно иначе. Просто бесподобно.

– Дим, не подлизуйся, – бросаю, проходя мимо. – Все равно спрашивать буду.

– Я правду говорю.

Сажусь на свое место, достаю ведомость из папки, а из стола – ручку. Надев очки, подзываю Клименко к себе.

– Садись давай, бесстыжий, – говорю, кивая на свободный стул, – посмотрю, что ты там вызубрил.

Он плюхается рядом, и пятнадцать минут тараторит, пересказывает. Зубрилка включена на максимум. Даже пару моих каверзных вопросов выдержал. Вот когда под задницей горит – выжимают из себя все, что можно.

Получив свой заветный зачет, Клименко, окрыленный вылетает торпедой из аудитории. Оставшись в глубоком одиночестве заполняю ведомость и захожу на почту – должна была сегодня получить практические работы от тех, кто задолжал. И где они?

Если к вечеру не пришлют – фармацевтам хана. Я предупредила. Первый курс в этом году – просто дно. Ладно там пять человек из двадцати трех, но не все же. Им все до фонаря. Ну что ж, сессию летнюю многие не закроют.

Глава 5.2

Телефон вибрирует – бросаю взгляд на загоревшийся дисплей. Фух, Ирка. Хотя кто-то нормальный, а не этот ублюбок, который задолбал звонить и писать с разных номеров, как одержимый.

Сейчас сдам ведомость и поеду за своими тряпками. Надеюсь, этого урода не встречу, а то я за себя не ручаюсь. Голову к чертовой матери оторву или с балкона выброшу, как его тряпки.

– Слушаю тебя, – отвечаю на звонок и откидываюсь на спинку стула.

– Тебя оттарабанили, как следует? – выпаливает прямо в лоб.

– Ир, – цокаю, но губы сами собой растягиваются в улыбке.

– Так да или нет?

– Да, – выдыхаю, едва слышно, и прикусываю нижнюю губу.

– От этого блядинчика другого и не ожидала, – хохочет. – Вот бывает же. Сначала в магазине он тебя глазами выебал, а потом уже на самом деле. Ну, рассказывай, как оно было.

Я даже слышу, как она по ту сторону трубки падает на подушку – довольная, как котяра на солнце.

– Давай уже на месте. Сейчас заберу ведомость и за веща-

ми поеду.

– О-о-о, меня возле подъезда подождешь. Я сейчас кабанчиком умоюсь, рейтузы натяну и туда.

– Все давай. Встретимся на месте.

Сбрасываю вызов, беру свое барахло и топаю в сторону методички. Надеюсь, той ведьмы нет на месте. Мы с ней на ножах, но все так культурно, будто на приеме у королевы. Презрение у нас утонченное, почти эстетичное. С первого взгляда не срослось. Даже не из-за чего-то конкретного – просто встретились взглядами и поняли: не сойдемся.

Но больше всего ей задницу разрывает от того, как ей отвечает Ирка. Та вообще не церемонится, несколько раз прямым текстом посылала ее нахуй. А анатомичка все равно лезет. Больше всего любит вставить свое «я» по поводу нашего лишнего веса. Видите ли, это капец как плохо быть жирным.

С одной стороны, она права: лишний вес – не друг здоровью, но не пошла бы она действительно на хуй. Мое тело – мое дело. Лучше бы на себя взглянула. У каждого есть грешок за душой. Не ей судить. Спать с чужим мужиком хуже жирной жопы.

Когда наконец дотелепываю до кабинета, со лба капает пот. Seriously, кажется, будто изнутри расплавляюсь. Духота стоит такая, что дышать тяжело. Так еще одежда совершенно не дышит. До квартиры на такси поеду, а то точно расплавлюсь, пока доберусь пешим ходом, пусть и идти всего двадцать минут.

Толкаю дверь. Пусто. Слава тебе.

Выдыхаю почти со стоном. Собираю свои пожитки и заношу ведомость на кафедру. По пути в квартиру какое-то волнение начинает нарастать. В носу мерзкое покалывание, будто на грани слез. Я не хочу плакать. Но оно лезет. Не от боли даже, а от осознания. Как бы я ни пыталась выкинуть все это из головы, все равно больно. Больно отпускать. Больно собирать себя заново. Больно даже просто идти.

Когда долго живешь с кем-то, он становится как мебель. Как запах в квартире. Как звук, к которому ты привыкла. А потом – бах. И этой мебели больше нет. Странная штука – жизнь.

Выйдя из такси, Ирки не наблюдаю. Ну да ладно. Не буду ее ждать. Пока выволоку все на лестничную площадку. Благо лифт сегодня работает, а то бы свалилась уже на втором этаже. Жарища на улице уже, чуть ли не под сорок.

Выйдя на нужном этаже, на секунду замираю. Стою перед дверью, за которой все еще живет призрак моего «до». Буквально вчера я застала за изменой человека, которого называла своим мужчиной. Любимым. Родным. Второй половинкой. Черт возьми!

Если бы слушала отца, вышла бы замуж за «надежного» и не парилась бы насчет всяких там чувств. Просто жила бы. Спокойно. И не было бы так больно и обидно, что твой мужчина может спать с другой.

Господи, пошли мне нормального мужика. Просто нор-

мального. Моего мужика.

Глава 5.3

Вставляю ключ в дверь и вхожу в квартиру. Тишина. Никого нет. Но, как только захожу в зал, вижу, что Вадим уже побывал в квартире: его разбитая приставка уже не лежит на полу, где я ее оставила. Этот ублюдок, даже часть моих вещей разложил по местам.

Вот какого хрена? Думает, приду и забуду? Думает, подлатаю, склею? Ха! Еще чего? Пошел к черту. Прямой дорогой. В далекое эротическое путешествие. А если коротко – на хуй.

Стаскиваю к двери те вещи, которые еще не разобраны, и иду собирать те, которые он разложил. Вот же урод!

И тут – щелчок. Входная дверь открывается. Ирка? Нет, та бы уже крошила десятиярусный мат.

Вадим.

Блять.

Вот не хотела же видеть эту ублюдскую морду. Меня же теперь посадят за убийство.

Так, Макарова, соберись! Не хватало еще остаток жизни загубить из-за навозного червя.

Продолжаю складывать вещи. Не смотрю. Не слышу. Не чувствую. Просто собираю. Вадим, прислонившись к дверному косяку, смотрит на то, что я делаю.

– Малыш, – подает голос.

А меня аж передергивает от его «Малыш». Дышу глубоко через нос, настраивая свой мозг не на убийство, а на что-то мирное, невесомое и хорошее.

Не убей его, Саша. Просто дыши.

– Саш, – вдруг кладет свою грабалку мне на плечо.

Все! Это последняя капля. Щелчок – не в сердце, в мозгу.

Чека рвется

Резко разворачиваюсь и даю ему пощечину. Рука у меня тяжелая, поэтому этот ублюдок, отшатнувшись, падает на кровать.

– Не прикасайся ко мне! – тычу в него пальцем.

– Ты чего, Саш? – смотрит на меня так невинно, как будто не верит.

И на секунду... только на одну... в голове сверкает: а может, это был сон? Но нет. Стоит мне бросить взгляд на пятно вина на стене над кроватью – реальность бьет под дых. Все правда.

И сцена, увиденная мной, не была сном, не бредом, не перегревом мозга на жаре. Он действительно трахал эту бабу прямо здесь. На этой постели. На нашей постели.

– Вадим, ты серьезно? – срываюсь на крик. – Ты вчера ебал какую-то марамоёйку на нашей кровати! Хотя не так – она тебя трахала. Скакала, как долбанная наездница! Ты же, блять, ненавидел эту «не мужицкую» позу!

– Саш, ты не так....

– Пасть свою закрой! – кидаю в него первую попавшуюся

вещь. – Я ради тебя стольким пожертвовала. Любовь, блять! Какая, нахер, любовь?! Ненавижу тебя!

– Сашуль, ну прости, – сползает с кровати и встает на колени, будто эта поза что-то может исправить. – Я не знаю, что на меня нашло. Это был первый и последний раз. Я клянусь тебе.

Я начинаю смеяться. Громко. Почти до хрипоты. Истерично, с горечью, которая распирает грудь изнутри.

– И ты думаешь, я тебе поверю? Думаешь, я настолько тупая, что поверю в «первый раз»? Да ты уже месяца четыре, если не больше, ходишь налево. Не просто так ты задерживался на работе, и деньги начали исчезать, будто сквозь пальцы. Не просто так ты начал вылизывать себя перед зеркалом: укладка, парфюм, часы. Прямо ухоженный альфа-самец. Только, блядь, воняешь – предательством. – сжимаю кулаки, сдерживая всю свою ярость. – Поэтому повторяю ещё раз: закрой свой поганый рот.

– Малыш, – продолжает стоять на коленях, смотря на меня снизу вверх, будто кается.

Но в его взгляде нет вины. Нет раскаяния. Что это тогда? Что этот ублюдок скрывает?

– Ты что, не услышал, что она сказала? – вдруг раздается голос подруги. – Мне повторить?

– Не лезь, Ир, – огрызается он.

– Вот бы приебать тебя чем-нибудь тяжелым, – шипит она зло.

Я разворачиваюсь и почти толкаю ее к двери.

– Поехали уже. Остальные вещи заберу завтра. Если ты их, конечно, не выкинешь, – бросаю в сторону Вадима.

– Саш, давай завтра поговорим? – встает с колен и плетется за нами.

– Нам не о чем говорить.

– Я буду ждать. Сколько потребуется. Я люблю тебя, Саш.

Сердце делает такое отчетливое «Буф» что я почти спотыкаюсь. Один короткий, но отчетливый удар, как удар молотком по пустому месту внутри груди.

«Я люблю тебя».

Как же давно не слышала от него этих слов. Как я могла не обращать на это внимание. Боже, какая же я дура... Вот теперь мне кажется, что изменять он мне стал гораздо раньше.

Смотрю на него. На этого мужчину, с которым делила постель, смех, планы, грезы. И теперь вижу в нем только пустоту.

– А я тебя – нет.

Да. Я его действительно не люблю. Это была тупо зависимость. Глупая привязанность.

Глава 6

Ноги словно ватные. Хочу идти, но будто проваливаюсь: в асфальт, в собственную растерянность. В голове сплошная катавасия, не пойму, где верх, где низ. Все свалилось в одну кучу: хочется реветь в подушку и одновременно ржать, как сумасшедшая.

Плакать – от того, что даже не знаю, с чего теперь начинать. Раньше казалось, мы будем вместе. Всегда. Без вариантов. А теперь?... Теперь – пусто.

А смеяться... ну да. Смеяться, потому что избавилась от ублодка. Потому что не придется больше притворяться, терпеть, верить.

Предал. Бессовестно. Грязно. И даже не раскаивается – стоит, мямлит, врет, выдумывает, винит кого угодно, только не себя.

Как сказал Богдан, каждый идет на это осознанно. А все остальное – тупые, никому не нужные отмазки.

– Как ты смотришь на то, чтобы сегодня сходить в ресторан? – подруга вырывает из мыслей, не отрывая глаз от дороги.

Надо было самой садиться за руль. Ирка – водитель так себе. Вечно едет, как будто в первый раз держит баранку. Каждый поворот – как лотерея. И каждый раз, сидя рядом, я автоматически проговариваю про себя все известные мо-

литвы. Интересно, кто ей вообще выдал права?

– Всеми руками за, – выдыхаю и улыбаюсь ей. – Хочу чего-нибудь вкусненького. Желательно жирного, и сладкого.

– Как раз сегодня в «Blank» – открытая кухня. Шеф из столицы. Говорят, делает такие десерты, что язык проглотить можно.

– О-о-о, звучит идеально. Хочу что-нибудь новенькое. Эдакое. Чтоб заново родиться от удовольствия.

– Тогда все, вечер у нас расписан. Только мы, кухня и гастрономический оргазм.

Через двадцать минут мы уже у нее дома. Я буквально вываливаюсь из машины.

Одежда прилипла к телу, пот везде. Вещи хоть выжимай. Как только переступаю порог, молча направляюсь в ванну. Скидываю с себя все до нитки, подставляю тело под поток воды. Глаза закрываются сами собой. Кажется, я действительно смываю с себя тонну грязи. И не только городской, но и внутренней тоже.

Накинув на себя халат Иры, выхожу. Беру чемодан и волоку в зал. Надо переодеться.
Из кухни доносится стук ножа, сковороды. Подруга что-то бубнит про салат и бокал вина.

Надеваю домашний костюм и буквально падаю на диван. Тело уже не мое. Оно просто хочет покоя.

Ложусь на диван и вытягиваю ноги. Глаза... просто прикрою на секунду. Одну. Маленькую. Секунду. И все. Прова-

ливаюсь в сон. Без снов. Без мыслей. Просто – выключаюсь.

– Макарова, поднимай свою задницу. Я заказала нам столик на восемь, – доносится до меня звонкий голос Иры.

– Лаврик, ты слишком громкая... – хриплю в ответ.

– Ты практически весь день проспала. Уже полшестого.

С усилием продираю глаза, сажусь. Голова будто налита свинцом: пульсирует, жжет изнутри, каждый шорох отдается в висках. Если днем посплю – потом можно сразу записываться к невропатологу. Но сейчас хоть немного прояснилось в голове. Сон был как кислород.

Ира исчезает в ванной, а я, не в силах даже думать, открываю бутылку минералки и залпом выпиваю половину. Желудок бурчит так, будто вспомнил, что существует.

Оглядываюсь. На столе стоит ваза с конфетами. Секунду колеблюсь, но потом мысленно посылаю все к черту и хватаю первую попавшуюся конфету. Ира такая же сладкоежка, как и я. Только если я залипаю по пирожным и тортам, то у нее слабость – конфеты и шоколад.

Ира еще и по вкусному бухлу фанатеет. Всякие модные коктейли, вина, ликеры – в этом она эксперт. Хотя баночка пива с вонючей рыбкой у нее тоже имеется в рационе.

Я вот пиво вообще не понимаю, если рядом нет ничего рыбного. У меня это чуть ли не ритуал – сидеть, ковыряться в костях, сосать плавники. Мозги отдыхают. Да, странная я.

Первый раз попробовала пиво еще на первом курсе. Мы

тогда с одноклассниками в каком-то дешевом баре взяли по кружке. Гадость редкостная. Но все равно ощущение свободы – крутое.

Родители были категорически против, чтобы вообще я во-дилась с «простыми» людьми. А мне было плевать. Никогда не считала себя привилегированной.

А вот в Лешке, моем брате, всегда был этот пафос. Не то чтобы он кичился этим, но от него всегда веяло статусом и деньгами. Тот же взгляд, походка, разговор.

Телефон вибрирует на диване. Беру его, смотрю на экран, и мои брови ползут вверх.

Что за...

Вот же черт!

Глава 6.1

– Слушаю, – отвечаю, напрягаясь.

– Здравствуй, Александра, – доносится из трубки знакомый голос.

Тихий, ровный, с ноткой снисхождения. Голос моего отца.

Так... мой день рождения только через месяц. Чего вдруг он звонит?

– Привет.

– Замуж ты все еще не вышла, зато поймала этого бездаря и идиота с поличным. Поздравляю, – начинает он без малейших вступлений.

– Пап...

– Нет, Саша, – перебивает меня. – Даже не пытайся отрицать. Я с самого начала говорил тебе, что он не тот человек. И ты, наконец-то, это увидела. Этот урод тебе уже второй год изменяет.

У меня перехватывает дыхание, я еле дышу. На секунду не могу сказать ни слова.

– Ты знал... – шепчу.

Боже! Два года! Два гребаных года впустую!

– Да это, наверное, все вокруг видели, одна ты ходила в розовых очках, – доносится из трубки ледяной голос.

Внутри что-то трещит.словно позвоночник вот-вот хрустнет от того, как сжимаюсь.

– Так почему ты мне ничего не сказал?! – срываюсь на крик.

– А ты бы мне поверила? Я тебе сразу сказал, что вам не по пути с этим слизняком.

– Но...

– Хватит, – снова перебивает. – Надеюсь, ты помнишь наш договор.

Черт!

Черт!

Черт, твою мать!

– Пап! Что за детский сад?! – ору в трубку.

– Будь добра, держи свое слово. У тебя две недели. Не вернешься домой – приеду сам за тобой.

Он даже не повышает голос. Это всегда было его оружием. Ставит тупо перед фактом.

Закусываю губу до боли. Почти до крови. Пальцы трясутся, плечи подергивает. Мне жарко, меня тошнит. Сердце бьется, как бешеное. Кажется, я сейчас просто разнесу эту комнату.

– И еще... начинай приводить себя в порядок. Ты чересчур сильно поправилась. Хватит булки пихать в себя – займись спортом.

Вот тут у меня просто срывает тормоза. Сначала давлюсь истеричным хохотом, пока не становится нечем дышать. Потом прочищаю горло и почти шиплю в трубку:

– Даже и не подумаю. Еще чего, буду я себя ограничивать

из-за всякой фигни.

– Александра.

– Все, давай, мне некогда, – резко бросаю и тут же отключаюсь.

Швыряю телефон на диван, хватаю подушку и ору в нее, как сумасшедшая.
 Громко. С хрипом. С надрывом.

Блять!

Блять!

БЛЯТЬ!

Ну какого, мать его, хрена?!

Из ванной выбегает Ира. Лицо встревоженное, глаза распахнуты.

– Саш, что случилось?

Я молчу пару секунд, глотаю слюну, вытираю лицо, чтобы голос не дрожал.

– Отец звонил, – выдыхаю. – Он знает, что Вадим мне изменил. Требуется, чтобы я вернулась домой через две недели.

– А не пошел ли он в задницу? – хмыкает она, скрещивая руки на груди.

– Если я не приеду сама, он придет за мной.

Она ничего не знает про наш договор, но прекрасно осведомлена о моем отце и всей семейке.

– Вот как так можно? Ты же уже не девчонка, которой можно помыкать.

– Попробуй ему это объяснить. Он – как бетонная плита. Все раздавит, все перекроет.

Мое настроение сходит на нет. Не хочется ничего. Никакого ресторана. Никаких десертов. В голове только одна мысль – как выбраться из этой ерунды?

Ира подходит ближе. Глядит пристально, потом улыбается широко.

– Так. Я уже вижу по твоему фейсу, что ты готова уйти в самокопание с головой. Поэтому нахрен всех. Поднимай свой соблазнительный зад и давай уже припудрим наши красивые носики. Вся та фигня того не стоит, чтобы пропустить намечающийся вечер.

Да, она права. Пошло все к чертовой матери. Буду я тут расстраиваться из-за какой-то ерунды. Нафиг-нафиг.

Покопавшись в гардеробе подруги, выбираю черное облегающее платье на тонких бретелях. Глубокий вырез подчеркивает грудь, на талии ткань собрана мягкой драпировкой, бедра выглядят плавно и красиво. Все, что нужно, открыто. Все, что не нужно, спрятано. В нем я выгляжу женственно, ярко, и мне плевать, что кто-то может подумать. Сегодня я надеваю то, чего желает моя душа.

Собираю волосы в низкий пучок, пряди у лица выпускаю и завиваю утюжком. Наношу тушь, пудру, чуть-чуть румян. И самый главный акцент – красная помада. Давно хотела, но «прилично» никогда не давало это сделать. К черту. Сегодня я делаю то, что хочу.

Ирка не отстаёт – накручивает волосы, наносит макияж в темных тонах.
Она выбирает черный комбинезон с запа-

хом и глубоким вырезом. В нем она выглядит роковой женщиной, ради которой и горы можно свернуть.

Глава 6.2

К половине восьмого такси подъезжает к подъезду. Водитель – определенно татарин, разговорчивый до невозможности. Весь путь засыпает нас комплиментами: мол, у него на родине свободные племянники, а если б были сыновья, обязательно предложил бы. «Таких красавиц грех упустить!» В ответ мы смеемся, отмахиваемся. Почему бы и нет.

У ресторана выкуриваю сигарету, а затем входим внутрь. Нас встречает администратор и провожает за столик, как раз у стеклянной стены, за которой кипит работа на открытой кухне. И там, по всей видимости, будет шоу от столичного шефа.

Меню пролистываем быстро, официанту заказываем бутылку красного полусухого, голень ягненка в брусничном соусе, салат с говяжьей вырезкой и перечным соусом, и еще тарелку мелочевки к вину. На десерт возьмем то, что приготовит сегодня шеф.

Проходит минут пятнадцать, и он появляется. Я поднимаю глаза и не сдерживаю смешок.

- Вот это да, – улыбаюсь, прикусывая губу.
- Ты его знаешь? – Ира замечает мою реакцию.
- Да. Он – владелец и шеф ресторана, где мы постоянно ели всей семьей. Десерты у него... ммм... Я бы душу продала за его малиновый медовик. Но не думаю, что сегодня его

будут подавать.

– Мир тесен.

– И не говори.

Чокаемся бокалами.

Говорим обо всем и ни о чем. И в какой-то момент я ловлю себя на мысли: мне спокойно. С Ирой легко. С ней я – настоящая.

Когда ходила с Вадимом куда-либо, все было не так. Я следила за каждым словом, за каждым кусочком на тарелке, за каждым глотком вина. Боялась показаться чрезмерной: слишком яркой, слишком шумной, слишком живой. Сейчас мне плевать.

Люди заняты собой. Никому нет дела до того, что на нас надето, сколько мы съели или выпили. Все у нас в голове.

Подруга подзывает официанта, мы заказываем два разных десерта от шефа.
Хотели бы еще, но больно дорого – и так половина аванса уйдет за вечер. Зато, черт побери, хоть наконец-то получила удовольствие.

– Ну, ни фиги себе, кого я вижу, – говорит Лаврик с ехидной улыбкой, глядя поверх моего плеча.

Я оборачиваюсь и бегаю глазами по залу, не задерживаясь. Столики, пары. А потом вижу его. Богдана.

Он садится за столик с каким-то громилой с лысиной и массивными руками, да и вообще мужик в целом здоровенный. На Богдане – светло-серые брюки и белоснежная рубашка с закатанными рукавами. Открытые предплечья, рас-

стегнутые верхние пуговицы и этот его спокойный, уверенный взгляд... У-у-у-у, мамочка!

Черт... от него буквально веет сексом. Не навязчивым, не крикливым – настоящим. Тем, что ощущается кожей.

Я пытаюсь отвернуться, но уже поздно. Наши взгляды встречаются. Он чуть прищуривает глаза, потом одна бровь поднимается, а на губах появляется та самая, ленивая, хищная улыбка. Как будто он уже знает, что будет дальше.

Богдан что-то говорит своему другу и поднимается из-за стола. Не спеша идет в нашу сторону. Глаз не отводит. Ни на секунду.

– Я, пожалуй, носик припудрю, – говорит Ирка с видом женщины, которой вот-вот вручат «Оскар» за лучшую женскую роль.

Поворачиваюсь к ней, на ее лице играет откровенно лихая улыбка, брови ходят вверх-вниз. Захватывает сумочку и грациозно уходит, покачивая соблазнительно бедрами.

А я... я залпом допиваю вино. Сердце стучит в груди, как в каком-то лютном марше. Руки чуть дрожат, а между ног предательски разливается тепло. Все тело как будто вспомнило прошлую ночь: его пальцы, его голос, его жесткость, за которой была нежность.

– Привет, беглый Зайчонок, – шепчет на ухо, кладя свои ладони мне на плечи. – А чего это ты сегодня свалила, даже не попрощалась?

Сглатываю ком в горле, подбирая в голове подходящий

ответ.

Богдан опускается на место Ирки и смотрит на меня. Не просто смотрит – сканирует. Глаза ползут по ключицам, задерживаются на ложбинке в вырезе, скользят по губам. Кадык дергается – он сглатывает. Я словно это чувствую кожей.

– А нужно было? – бросаю. – Разве для нас обоих это не был просто... случайный секс?

Глава 6.3

– Что верно, то верно, – отвечает, прищуриваясь. – Меня вообще тяжело разбудить: сплю крепко, хоть пушками стреляй. Да и раньше девяти никогда не встаю.

– Прелестно, – хмыкаю. – Обожаю ненужную информацию.

Он смеется, а потом... этот оскал. Ни намека на милость. Вся спина в мурашках, будто кто-то прошелся по позвоночнику горячими пальцами.

– Отсосешь мне, – говорит, наклоняясь ближе.

Я сглатываю и тоже чуть подаюсь вперед, с ухмылкой на губах.

– Только после того, как ты мне отлижешь.

Богдан хрипло смеется, и у меня перехватывает дыхание. Вот она, его улыбка. Чистый грех. Секунда, и я уже тону в ней, как в омуте.

– Я бы не отказался от такого десерта, – он облизывает нижнюю губу – медленно и соблазнительно. – Засыпая вчера, думал только о том, как вылижу тебя утром. А ты, чертовка, сбежала. Оставила меня без завтрака.

Тушите свет! Я сойду!

Он говорит это вслух, не понижая голоса, и я замечаю, как кто-то косится на нас. Но Богдану плевать. Ему плевать на взгляды. Плевать на правила. Он сейчас весь сосредоточен

на мне и моем теле. На том, как я реагирую. На груди, поднимающейся чаще.

Он знает. Он чувствует.

Если бы не Клименко, если бы не это гребаное утро, я бы сейчас по-любому знала, каково это – кончить от его языка. И не где-то там в фантазиях, а по-настоящему.

Уже представляю, как его пальцы раздвигают меня, как его язык скользит туда, где все горит и пульсирует, как он держит меня за бедра и не дает вырваться, даже когда я уже умираю от наслаждения. И чем яснее эта картина в голове, тем сильнее становится влажно между ног.

Я ерзаю на стуле. Он это замечает. Уголки губ поднимаются. Ублюдок.

– Твои губы... – он смотрит на мой рот, и голос становится хриплым, будто от возбуждения. – Твои губы с красной помадой будут божественно смотреться... – понижает голос, чтобы слышала только я, – на моем члене, – прикрывает глаза и шумно вдыхает носом. – Уф... Я представил это. Представил, как ты медленно опускаешься на колени и... и начинаешь. Сначала нежно, потом глубже. Как ты держишь меня за бедра. Как давишься моим членом, а я тяну тебя за волосы...

Я не дышу. Я просто вся в этом моменте. В его голосе. В этих грязных, вкусных словах. В ощущении, что меня медленно раздевают. Не руками – словами.

– Скажи... – он снова открывает глаза и ловит мой взгляд.

– Ты же тоже уже возбуждена?

Он знает ответ. Я знаю ответ. Мое тело – сплошная пульсирующая точка желания.

– Хочешь проверить? – бросаю с вызовом, хотя голос дрожит.

Это не страх. Это предвкушение.

Он медленно облизывает губу и откидывается на спинку стула.

– Еще как хочу. Я бы взял тебя прямо здесь. Под этим столом. Задрал бы подол. Сдвинул трусики. Уф... Ты бы захлебывалась в секундах, теряя счет времени... – делает паузу. – Или хочешь, чтобы я просто встал на колени и вкусил тебя на глазах у всех? Смотрел в глаза, когда ты кончишь? Ты же красиво кончаешь, Зайчонок, я знаю.

Не могу ничего сказать. Мой язык прилип к небу. Внутренние стенки влагалища уже сжимаются. Чувствую, как трусики намокают от возбуждения. Как я сама вот-вот сорвусь с цепи.

– Хочешь – выйдем? В туалет. В машину. В любой гребаный угол. И я сделаю это. Долго. С жадностью. С голодом. Буду лизать твою малышку, пока ты не кончишь.

Богдан не играет. Он хочет меня. Сейчас. Здесь. И, черт возьми, я тоже хочу.

Глава 7

– Александра Евгеньевна, а что это вы так раскраснелись?
– вдруг у столика появляется подруга.

Мне хочется одновременно расцеловать ее и врезать. Нет, надо держать себя в руках. Что за бесконтрольная тяга к мужчине, которого я едва знаю? Это же... ненормально, да? Черт. Опять это слово. «Нормально». Кто вообще решает, что нормально?

– Блядинчик, а ты крут, если довел Сашку до такого состояния, – Ира переводит взгляд на Богдана.

– Как-как? – его лицо вытягивается от удивления. – Блядинчик? – не сдерживает смехок.

– Он самый, – дерзко выпаливает она. – От тебя за версту тянет: переимел столько женщин, что мама не горюй.

– Как меня только не называли, но Блядинчиком впервой, – усмехается он.

– Все когда-то бывает в первый раз, – хлопает его по плечу. – Поднимай свой зад с моего стула.

– Я, пожалуй, еще немного посижу, – смотря на меня, убирает руку подруги со своего плеча.

– Сто процентов понимания, ноль осуждения.

Между нами повисает молчание. Ира бросает на меня многозначительный взгляд. Ее брови поднимаются, глаза зыркают – мол, глянь на него. У него на тебя стоит.

Жар проходит от низа живота к груди, и я ощущаю, как грудь словно тяжелее стала. Его взгляд... этот медленно пожирающий взгляд... Мы буквально трахаемся глазами. Вокруг все как будто исчезает – разговоры, звуки, даже свет. Остались только он и я. Мы будто попали в сцену из фильма. В голове мысли путаются, сердце стучит в ушах, и мне хочется... так многого.

Ирка подзывает официанта и просит принести ей стул, тот быстренько выполняет просьбу.

– Так, мысли в кучку собираем, дамы и господа, – подруга возвращает нас в реальность. – А то складывается ощущение, что вы сейчас на друг друга наброситесь. Я хоть порнуху смотрю, но подобное зрелище с главной ролью моей подруги слишком лично. Как я ей потом в глаза смотреть буду?

– Ир, ты слишком громко говоришь, – шиплю ей. – Тут и так все на нас пялятся.

– Конечно, пялятся, – делает глоток вина. – От вас флюиды идут как пар из кастрюли. К тому же, давайте уже выпьем. Как тебя там зовут, Блядинчик?

– Богдан, – отвечает он, даже не поворачиваясь к ней.

– Ирина.

– Я это уже понял, – наконец-то бросает на нее короткий взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.